

УДК 94(=16):070"1900/1905"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/46/9

СТАТУС СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В УНИВЕРСИТЕТАХ АВСТРО-ВЕНГРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА МАТЕРИАЛАХ ЖУРНАЛА «СЛАВЯНСКИЙ ВЕК»)*

С.Ф. Фоминых¹, А.О. Степнов²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASOM@yandex.ru

Авторское резюме

На материалах журнала «Славянский век» рассматривается процесс борьбы славянской молодежи в конце XIX – начале XX в. за закрепление статуса родных языков в университетах Австро-Венгрии. На примере Львовского университета анализируются причины возникновения университетских конфликтов на языковой почве. Прослеживаются формы и методы борьбы русинского студенчества Львовского университета за использование родного языка наравне с польским в учебном процессе. Приводятся примеры того, как эти формы и методы оценивались представителями славянской общественности. Анализируются основные требования общественных молодежных организаций славян в контексте борьбы за статус славянских языков в университетах Австро-Венгрии, а также за открытие национальных университетов. Отмечается, что требования русинской, чешской, словенской молодежи открыть новые национальные университеты или трансформировать старые нередко приводили к межнациональным столкновениям. Делается вывод о том, что данная борьба стала для славянских народов, проживавших в Австро-Венгрии, консолидирующим фактором.

* Статья выполнена в рамках Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета и при поддержке гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности», № 14. В25.31.0009.

Ключевые слова: Австро-Венгерская империя, Львовский университет, студенты, славянская общественность, статус славянских языков.

THE STATUS OF SLAVIC LANGUAGES AT THE UNIVERSITIES OF AUSTRIA-HUNGARY IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (A CASE STUDY OF THE MAGAZINE “SLAVIC CENTURY”)*

S.F. Fominykh¹, A.O. Stepnov²

Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

² E-mail: ASAOM@yandex.ru

Abstract

The article examines the struggle of the Slavic youth for the consolidation of the status of native languages in Austro-Hungarian universities in late 19th – early 20th centuries, reflected in the magazine “Slavic Century.” On the example of Lviv University the authors analyse the causes of language conflict at universities focusing on the forms and methods used by Rusin students of Lviv University to fight for their right to use the Rusin language, along with the Polish, in the educational process. The authors demonstrate how these forms and methods were evaluated by the representatives of the Slavic community. The article analyses the basic requirements of Slavic public youth organizations in the context of their struggle for the status of Slavic languages at the universities of Austria-Hungary, as well as the students’ fight for the opening of national universities. It is noted that the requirements of Rusin, Czech, and Slovenian youth to establish new national universities or transform the old ones often led to ethnic clashes. The authors conclude that the struggle became a consolidating factor for the Slavs living in Austria-Hungary.

Keywords: Austro-Hungarian Empire, Lviv University, students, Slavic community, the status of Slavic languages.

Подкарпатская (Угорская) Русь окончательно вошла в состав Венгерского королевства в XIII в., а Галицкое княжество к концу

* This research was supported by Tomsk State University Academic Excellence Program and the project “Man in a Changing World. Problems of identity and Social Adaptation in History and at Present” (RF Government Grant Nr 14.B25.31.0009).

XIV в. - в состав Польши. Соответственно, после присоединения Венгрии к Австрии и разделов Польши эти земли стали частью Австрийской империи (позднее – Австро-Венгрии). В 1774 г. произошла аннексия Австрией северной части Молдавского княжества (которое в то время было вассалом Османской Порты) – Буковины. Здесь значительную часть населения составляли русины. В начале XX в. на территории Австро-Венгрии (в Галичине, большей части Буковины, Угорской Руси) в целом проживали не менее 4 млн русинов (Суляк 2007: 42).

Восточные территории Австро-Венгрии характеризовались большим разнообразием этноязыковых общностей (Геровский 1995: 7–8).

Галиция, входившая на протяжении нескольких столетий в состав Королевства Польского, сохранила и широкий слой польского населения. Таким образом, рассматривая восточные регионы Австро-Венгрии, мы имеем дело с этнокультурным конгломератом, что накладывало отпечаток на особенности этнических отношений, приводя не только к культурному взаимообогащению, но и к конфликтам, периодически возникавшим, прежде всего, на языковой почве.

Школьное и высшее университетское образование во все времена являлось фундаментальным в деле закрепления и ретрансляции культурной идентичности в будущие поколения. Поэтому проблема доминирующего языка в образовательных учреждениях стала одной из главных арен подобных конфликтов. Некоторые из них, в том числе наиболее показательный эпизод с русскоязычными студентами Львовского университета, нашли свое отражение на страницах всеславянского журнала «Славянский век», издававшегося в Вене в 1900–1905 гг.

Львовский университет был учрежден в 1784 г. императором Иосифом II «для удовлетворения нужд галицко-русского населения Восточной Галиции». Однако функционировал университет долгое время как немецкоязычный («имел немецкий характер»). Главенство в преподавании немецкого языка носило временный характер, и с середины XIX в. правительство империи планировало заменить его на русский. С 1848/49 учебного года во Львовском университете в связи с этим были открыты кафедры рутенского (русинского) языка и литературы на философском и пастырского богословия факультетах.

В данные планы были внесены коррективы, когда с 1860-х гг. в административной элите Галиции в контексте конституционных трансформаций в империи усилился польский элемент, оказывавший «значительное влияние на политику правительства, которое, уступая их требованиям, отдало Львовский университет в их руки» (Грот 1907: 59).

Согласно императорскому рескрипту 1871 г., отменявшему преподавание на немецком языке, во Львовский университет допускались лица, владевшие одним из областных языков: польским или рутенским (русинским). При этом следует отметить, что в публицистике и научной литературе того времени нередко для обозначения рутенского языка использовалось понятие «малорусский», например в трудах филолога-слависта К.Я. Грота, а также в публицистических материалах журнала «Славянский век». Это, однако, носило условный характер и обозначало совокупность говоров Карпатской Руси, смешение народного и русского литературного языков, что отражало общую тенденцию, проявившуюся у многих восточнославянских народов в конце XIX – начале XX в., к лингвистической интеграции с русским литературным языком. Переходным языком для русинов Австро-Венгрии, проживавших в Галиции, долгое время было так называемое язычие – пестрое смешение местных наречий, церковнославянского языка с многочисленными вставками русского литературного.

Однако в руководстве Львовского университета, пользовавшегося широкой автономией, преобладали поляки. Получая поддержку в среде польской общественности и администрации, несмотря на рескрипт 1871 г., поляки как «сильнейшая народность» края утвердили «польский статус» этого университета. И, «что особенно важно, обратились за научными силами в Познань и в Россию, так что в продолжение трех лет университет получил польский характер». Русские же кандидаты не допускались к профессорским должностям (Грот 1907: 60).

Русины сохранили за собой лишь уже упомянутую выше кафедру рутенского языка, а с 1899 г. – кафедру всеобщей истории на философском факультете, а также кафедру гражданского и уголовного права на юридическом.

Таким образом, возникли предпосылки для конфликта. Русины в новых реалиях не могли не почувствовать ущербности собственного положения, выразившегося в дискриминации своих прав.

Уже с 1880-х гг. патриотично настроенные студенты-русины выбрали своеобразный способ протеста: они заполняли индексы (студенческие книжки) и ряд других университетских документов на русском языке. Инициативу организации подобного рода протеста проявило общество студентов-русинов под названием «Академический кружок», закрытое в 1895 г. (Славянский век 1: 89).

В 1901 г., когда декан богословского факультета Кс. Фиалек, поляк и католик, отверг студенческие книжки, заполненные студентами-русинами на родном языке, ситуация обострилась. Обязательными для индексов языками стали польский и латинский.

Ректор духовной семинарии о. Туркевич, отстаивая права своих учеников, обратился к галицко-русскому митрополиту, вице-маршалу Галицкого сейма Андрею Шептицкому с просьбой оказать содействие в деле разрешения использования в университете рутенского («малорусского») языка (Славянский век 1: 90). Незадолго до этого ректором университета был совершен неоднократно применяемый в те времена акт дискриминации преподавателей по языковому признаку. В ходе заседания университетского сената (высшей административной структуры) известному историку, профессору М.С. Грушевскому (в 1894–1914 гг. он преподавал во Львовском университете) «в виду официальности польского языка» было запрещено говорить по-русски (Славянский век 1: 90).

В знак протеста против сложившегося положения студенты-русины покинули Львовский университет, что, однако, не обратило на себя «того внимания, какого ожидали его инициаторы» и к тому же привело к закрытию Русской духовной семинарии во Львове. В первое время эта акция вызвала восхищенные отзывы в галицко-русской печати. Встал вопрос о создании «русского» университета в Галиции (Славянский век 2: 324).

Не осталась в стороне и польская молодежь, проживавшая в Галиции. 23 ноября 1901 г. состоялось общее собрание польской организации «Czytelni akademickiej», на котором была выработана резолюция «против не только учреждения особого русского университета, но и против утратки польского» (Славянский век 3: 244).

Редактор «Славянского века» Д.Н. Вергун весьма сдержанно отнесясь к требованиям русинской молодежи учредить национальный университет во Львове. На страницах издаваемого им журнала он писал: «Движение это, конечно, не будет иметь никаких практических результатов. Если даже чехи, располагающие в австрийском парламенте 83 голосами, не могут добиться второго университета, притом обещанного им Кербером еще весной, несмотря на то, что у них уже все готово: профессора, достаточное количество слушателей и пр., то что же можно сказать о словенском университете в Любляне, раз словенцы не имеют до сих пор ни одной полной словенской гимназии, и о русинском во Львове, раз для учрежденной недавно кафедры русской истории пришлось выписывать ученого из России (проф. Грушевского)!» (Славянский век 4: 194).

Вместо этого Д.Н. Вергун высказал более рациональные, с его точки зрения, предложения о трансформации уже существовавшего Черновицкого университета в русскоязычный, а также о введении обязательного курса литературного русского языка в других университетах империи.

При этом он оптимистично оценивал активизацию славянского студенческого движения в целом. «Пронесшаяся буря, – подчеркнул он, – заставит встряхнуться прозябшие в последнее время славянские студенческие общества». В качестве подтверждения он сослался на то, что на Всеславянское студенческое собрание в Вене, состоявшееся в том же 1901 г., съехалось более 1 тыс. человек, среди которых были представители русинской «Буковины», чешской «Akademicky Spolek», словенских «Slovenia» и «Danica» и других славянских общественных организаций (Славянский век 4: 194).

Студенты-русины из Львова после сессии разъехались в Прагу, Вену и Лейпциг. Общество чешских студентов, узнав о том, что русины покидают университет во Львове, опубликовали воззвание, в котором приглашали их поступить в Пражский университет. Покидая Львов, студенты-русины пели на вокзале национальные песни, произносили речи. Провожавшая их толпа после отбытия поездов «с пением направилась по улицам города». Тогда, «чтобы положить конец проявлениям сочувствия отбывшим студентам», власти прибегли к полицейским мерам. В Праге же двадцати прибывшим туда студентам чехи оказали радушный прием и особое чествование. Редакция «Славянского века» организовала сбор пожертвований в поддержку студентов (Славянский век 5: 337).

Однако не везде студентов-русинов ждал теплый прием. Так, например, в Вене полиция запретила встречать студентов на вокзале.

Конфликт вышел за пределы Австро-Венгрии. В декабре 1901 г. студенты Лейпцигского университета потребовали удаления студентов-русинов (Славянский век 6: 282).

Таким образом, сессия имела неоднозначные последствия. С одной стороны, уход русинов из Львовского университета можно было считать за поражение. Однако уже в 1902 г. указом Министерства просвещения от 5 апреля сенат Львовского университета обязывался принимать документацию, составленную по-русски, и отвечать на том же языке. Вместо латинско-польских индексов вводились чисто латинские, что можно было расценивать как компромисс. В указе министерства выражались надежда и пожелание, «что будет возможным расширить права русского языка во Львовском университете». Русинская молодежь, ранее покинувшая университет, стала возвращаться в стены родного учебного заведения. Тогда же была вновь открыта Львовская духовная семинария (Славянский век 7: 526).

Однако и здесь история совершила неожиданный поворот, который на страницах журнала «Славянский век» был зафиксирован как «протест украинофильской партии». Здесь стоит сделать уточнение, потому как сам термин «украинцы» не фигурировал в официальной

документации Австро-Венгрии. Вместо него использовался термин *рутены* (Ruthenen) – официальное название русинов в Австро-Венгрии до 1917 г. И, соответственно, для обозначения их языка применялся термин *рутенский* (Ruthenisch), он же *русинский*. Лишь в августе 1917 г. император Австро-Венгрии Карл изменил названия рутены, рутенский язык на, соответственно, украинцы и украинский язык (Ukrainer, Ukrainian) (Суляк 2016).

Позднее, в 1906 г., председателю русинского студенческого общества «Академічна Громада» доктору А. Глюзинскому в присутствии ректора было запрещено говорить на родном языке, опять же со ссылкой на официальность польского в университете. Снова произошли столкновения русинской и польской молодежи, в ходе которых в здании университета случился погром. Драка продолжалась несколько часов, студенты сооружали баррикады из скамей (Грот 1907: 63–64).

Раскол произошел и среди польской общественности. Часть ее продолжала шовинистически настаивать на чистоте Львовского университета, другой ее спектр, умеренно настроенных, признавал за русскоязычным населением Галиции законные права на язык, культуру и их использование в университетском образовании.

Борьба продолжилась. Уже в зимнем семестре 1902/03 учебного года вновь имело место столкновение университетских властей со студентами-русинами – на этот раз из-за требования последних, выразившегося в том, чтобы при имматрикуляции присяга была прочитана по-русски. На 1903/04 учебный год ректором Львовского университета был избран Кс. Фиалек, ставший в 1901 г. виновником обострения конфликта в университете на языковой почве. При этом главным претендентом на эту должность считался профессор богословия Барньюшевский (Грот 1907: 62).

Акции протеста русинского студенчества Львова нередко приводили к столкновениям с польской молодежью, в ходе которых «обе стороны – польская и русская – одинаково применяли недостойные средства борьбы и дошли даже до пролития крови в самом здании “alma mater”» (Грот 1907: 62).

Оценки общих итогов противостояния во Львовском университете по вопросу о статусе языков разнятся. С одной стороны, при посредничестве правительства имели место уступки со стороны руководства университета, а с другой, по оценке К.Я. Грота, – «борьба за университет, несмотря на перенесенные русскими галичанами тяжелые жертвы, не удовлетворила требований русских студентов и всего населения» (Грот 1907: 65).

Учитывая, что в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. на 16 млн славян приходилось всего три университета (в Праге, Кракове и Львове), подобные конфликты были неизбежны и происходили не только во Львове (Славянский век 4: 193). Всего же в Австро-Венгрии в конце XIX в. насчитывалось восемь университетов, которые были организованы так же, как и германские. В них обучались около 16 тыс. студентов (Иолли 1900: 119).

Не могли добиться второго университета и чехи. Открытия национального университета требовали славянская молодежь Триеста, а также словенцы, которые и в начале XX в. сохраняли память о недолгом существовании иллирийского «Ecoles centrale» – первого университета в Любляне, основанного еще в 1810 г. французами и просуществовавшего всего три года. Они ждали его возрождения.

Словенская общественность на протяжении десятков лет придавала вопросу об открытии словенского национального университета первостепенное значение. Однако, как и в случае со Львовским университетом, правительство, признавая такую «гипотетическую возможность», ссылалось на то, что «финансовые затруднения» и «политические хлопоты» не позволяли осуществить это.

В материалах Я. Сернеца, опубликованных в «Славянском веке», правомерность требований словенцев открыть университет обосновывалась и наличием собственных словенских ученых, составлявших, по его мнению, свет мировой науки. Среди них упоминались имена математика Г. Вега, лингвиста и историка В. Копитара, физика Й. Стефана, языковеда Ф. Миклошича.

Обращалось внимание и на то, что среди словенцев около 200 человек ежегодно заканчивали обучение в гимназиях. Следовательно, полагал Я. Сернец, набравшиеся за четыре года 800 выпускников могли бы составить достаточный контингент для словенского университета (Славянский век 8: 649).

Такого рода требования находили оформление в программах общественных организаций словенцев, добивавшихся открытия народных школ, гимназий и реальных училищ, в которых преподавание велось бы на родном языке.

В начале XX в. межнациональные конфликты на языковой почве при решении университетского вопроса в Австро-Венгерской империи стали разрастаться. Так, например, широкий общественный резонанс вызвали столкновения немцев и итальянцев в Инсбруке относительно статуса языков в Инсбрукском университете. Против учреждения итальянского университета выступали и славянские активисты, считая Инсбрук славянской землей.

Чехи еще ранее требовали собственных университетов в Моравском Берне или Оломоуце (Славянский век 4: 193).

Славянские студенты из Вены и Граца протестовали против итальянских притязаний и возобновили требования о собственном университете. Они получили поддержку от общественных организаций чехов, хорватов, сербов и русинов, направивших своих представителей на большое студенческое собрание в Вене. В резолюции собрания нашли отражение требования учреждения южнославянского университета в Любляне, уравнивания статусов Загребского и Цислейтанского университетов (признание действительности экзаменов Загребского университета в Цислейтании) и т. д. Вскоре после этого состоялось славянское студенческое собрание в Загребе, на котором высказывались аналогичные требования (Славянский век 8: 650–651).

Таким образом, одним из следствий борьбы за национальные университеты была консолидация славянской общественности.

В 1904 г. в большом зале Народного дома в предместье Праги состоялось собрание сербских, чешских и словацких студенческих обществ. В его культурную программу входили выставки, концерты с исполнением произведений чешских и русских композиторов, народных песен и т. д. Требования славянской молодежи открыть национальные университеты в Австро-Венгрии стали к тому времени уже традиционными (Славянский век 9: 265). На том же съезде было выдвинуто требование к правительству ввести в средние учебные заведения Восточной Галиции обучение русскому литературному языку в качестве обязательного предмета, а также об открытии кафедры русского литературного языка и общерусской литературы в университетах Львова, Черновцов и Вены (Мончаловский 1904).

Конечно же, борьба за открытие национальных университетов и достойный статус славянских языков в Австро-Венгрии конца XIX – начала XX в. имела общественно-политический характер, развиваясь от естественного желания студентов обучаться на родном языке до масштабных съездов, собраний, где принимались соответствующие программные требования. Характерно и то, что траектория этого процесса развивалась в то время не столько по пути борьбы с имперской властью, сколько в контексте противостояния этносов, народов друг с другом.

Представители славянских народов в лице студенческой молодежи стали все чаще задумываться о собственной идентичности, вечных ценностях и о том, что каждый подрастающий русин, чех, словенец, как подчеркивалось на страницах журнала «Славянский век», «после строгой замкнутой жизни в гимназии попадал в большой враждебный ему город» и в «своей студенческой жизни оставался без руководителей» (Славянский век 4: 195). Д.Н. Вергун для описания этого города

(подразумевая и всю Австро-Венгрию начала XX в.) использовал образ «разноязычного Вавилона». Борьба славянской молодежи за родные языки в университетах Австро-Венгрии явилась консолидирующим фактором для славянской общественности.

ЛИТЕРАТУРА

Геровский 1995 - *Геровский Г.Ю.* Язык Подкарпатской Руси. М., 1995. 90 с.
Грот 1907 - *Грот К.Я.* Галицкая Русь прежде и ныне: исторический очерк и взгляд на современное состояние очевидца. СПб.: Изд. Общ-ва ревнителей русского исторического просв. в память имп. Александра III, 1907. 104 с.

Иолли 1900 - *Иолли Л.* Народное образование в разных странах Европы. СПб.: Книгоиздательство и книжный магазин О.Н. Поповой, 1900. 192 с.

Мончаловский 1904 - *Мончаловский О.А.* Главные основы русской народности // Русское самодержавие: прошлое и будущее монархии в России. URL: <http://samoderjavie.ru/content/monchalovskiy-oa-glavnye-osnovy-russkoy-narodnosti> (дата обращения: 15.10.2016).

Славянский век 1 - Русский язык в Львовском университете // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 27. С. 89–90.

Славянский век 2 - Студенческий разгром. Письмо галицко-русских студентов из Львова // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 35–36. С. 324–326.

Славянский век 3 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 32. С. 244–245.

Славянский век 4 - *Вергун Д.Н.* К вопросу о славянских университетах в Австрии // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 31. С. 193–195.

Славянский век 5 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 35–36. С. 332–344.

Славянский век 6 - Славянские вести // Славянский век. Всеславянский журнал. 1901. Вып. 33–34. С. 279–289.

Славянский век 7 - Иссов. Из Подъяремной Руси // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 43. С. 526–527.

Славянский век 8 - *Сернец Я.* Словенский университет в Любляне // Славянский век. Всеславянский журнал. 1902. Вып. 47. С. 646–651.

Славянский век 9 - *Святицкий И.* По поводу съезда славянского студенчества в Праге // Славянский век. Всеславянский журнал. 1904. Вып. 81. С. 264–267.

Суляк 2007 - *Суляк С.Г.* Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Суляк 2016 - *Суляк С.Г.* Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–91.

REFERENCES

- Gerovskiy, G.Yu. (1995) *Yazyk Podkarpatskoy Rusi* [The Language of Carpathian Russ]. Moscow.
- Grot, K.Ya. (1907) *Galitskaya Rus' prezhe i nyne: istoricheskiy ocherk i vzglyad na sovremennoe sostoyanie ochevidtsa* [Galician Russ before and now: A historical overview and a look of an eye-witness at the current state]. St. Petersburg: Russian Society of Adherents of Historical Education in memory of Emperor Alexander III.
- Iolli, L. (1900) *Narodnoe obrazovanie v raznykh stranakh Evropy* [People's education across Europe]. St. Petersburg: O.N. Popova.
- Monchalovskiy, O.A. (2014) *Glavnye osnovy russkoy narodnosti* [The main foundations of Russian nationality]. [Online] Available from: <http://samoderjavie.ru/content/monchalovskiy-oa-glavnye-osnovy-russkoy-narodnosti> (Accessed: 15th October 2016).
- Anon. (1901a) Russkiy yazyk v L'vovskom universitete [The Russian language in Lviv University]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 27. pp. 89-90.
- Anon. (1901b) Studencheskiy razgrom. Pis'mo galitsko-russkikh studentov iz L'vova [The students' defeat. A letter of the Galician-Russian student from Lviv]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 35–36. pp. 324-326.
- Anon. (1901c) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 32. pp. 244-245.
- Vergun, D.N. (1901) K voprosu o slavyanskikh universitetakh v Avstrii [On the Slavic University in Austria]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 31. pp. 193-195.
- Anon. (1901d) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 35–36. pp. 332-344.
- Anon. (1901e) Slavyanskije vesti [Slavic news]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 33–34. pp. 279-289.
- Issov. (1902) Iz Pod"yaremnoy Rusi [From the Enslaved Rus]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 43. pp. 526-527.
- Sernets, Ya. (1902) Slovenskiy universitet v Lyublyane [Slovenian University in Ljubljana]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 47. pp. 646-651.
- Svyatitskiy, I. (1904) Po povodu s"ezda slavyanskogo studenchestva v Prage [To the Congress of Slavic students in Prague]. *Slavyanskiy vek. Vseslavyanskiy zhurnal*. 81. pp. 264-267.
- Sulyak, S.G. (2007) Rusins in History: Past and Present. *Rusin*. 4 (10). pp. 29-56 (In Russian).
- Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memories of the Great War participants. *Rusin*. 2 (44). pp. 73-91 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Фоминых Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Fominykh Sergey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

Степнов Алексей Олегович – бакалавр истории, магистрант исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Stepnov Alexey - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ASAOM@yandex.ru